

Чувства и думы миссіонера въ Алтайскомъ памятникѣ-храмѣ.

Въ нынѣшнемъ году въ селѣ Улалѣ, благодаря трудамъ и заботамъ досточтимаго протоіерея о. Петра Бенедиктова, доконченъ постройкой и отдѣлкою и освященъ храмъ-памятникъ Алтайскимъ миссіонерамъ. Этотъ храмъ-памятникъ поставленъ въ Улалѣ на той площади, гдѣ былъ поставленъ перенесенный изъ Маймы домъ основателя миссіи, архимандрита Макарія, гдѣ былъ воздвигнутъ первый храмъ на Алтаѣ, гдѣ помѣщалось первое на Алтаѣ училище, изъ котораго возникло потомъ училище катихизаторское. Храмъ-памятникъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые на Алтаѣ загорѣлся огонекъ христіанства. Съ этого священнаго мѣста свѣтъ Христова ученія впервые полился на дикій, глухой Алтай.

Храмъ-памятникъ — каменный, изнутри и снаружи отштукатуренный, выбѣленъ бѣлой глиною. Храмъ этотъ небольшой. Онъ похожъ на тѣ бѣдненькіе молитвенные дома, которые ютятся въ ущельяхъ Алтая по небольшимъ аиламъ. Онъ своей простой, незатѣйливой архитектурой сроденъ, милъ, дорогъ душѣ Алтайскаго миссіонера. Отъ этого наружнаго вида храма вѣетъ той неизысканностію украшенія, которая присуща исключительно Алтайскимъ молитвеннымъ домамъ. Храмикъ этотъ обнесенъ деревянною оградкою.

Внутри храма уютно, свѣтло, просто. Иконостасикъ — тоже скромный. Вся внутренняя обстановка храма дышитъ миссіонерскою незатѣйливостію... Нѣтъ здѣсь блеска, нѣтъ золота. Здѣсь святая скромность! Особенность этого храма-памятника та, что здѣсь по стѣнамъ развѣшены портреты и карточки какъ групповыя, такъ и одиночныя потрудившихся и теперь работающих миссіонеровъ.

Насколько храмъ-памятникъ убогъ внѣшней обстановкою, настолько онъ богатъ своей таинственной силою будить мысли и чувства, скрытой въ развѣшенныхъ портретахъ. Входишь въ этотъ храмъ-памятникъ — и чувствуешь, что входишь въ какое-то святилище, гдѣ будешь думать, чувствовать и говорить съ силь-

ными твоими прошлыхъ, отошедшихъ миссіонерскихъ служахъ, будешь проникаться ихъ мыслями, чувствами, желаніями, будешь говорить съ ними, отвѣчать имъ. Входишь въ этотъ храмъ-памятникъ—и чувство благоговѣнія охватываетъ всего тебя. Переступишь порогъ храма,—чувствуешь присутствіе отошедшихъ братьевъ-служителей, образно видишь ихъ молящимися и невольно проникаешься умиленіемъ. Въ эти святые минуты всѣхъ ихъ отошедшихъ чувствуешь близкими сердцу, родными по духу, едиными по дѣлу. Смотришь на портреты ихъ. Они съ полотна на тебя живыми глядятъ.

Вотъ онъ портретъ Архимандрита Макарія... Чудится—онъ взглянетъ на тебя, спроситъ тебя, много-ли нынѣ крестилъ, и записываетъ твои отвѣты гусиннымъ перомъ въ книгу жизни. „Слава Богу, дѣло наше подвигается впередъ“—слышишь сорадующійся его нѣжный ласковый голосъ къ тебѣ. Радость въ этотъ мигъ заливаетъ всю душу... Порывы къ труду рвутся наружу въ тебѣ. Чувствуешь приливъ силъ и энергіи въ себѣ.

А вотъ Архіепископъ Владиміръ. Онъ бросаетъ на тебя острый, пронизывающій всю душу взглядъ и грубовато какъ будто спрашиваетъ тебя: „всѣ-ли навѣстилъ юрты?“, „не пропустилъ-ли богослуженія?“ „когда, въ чемъ нуждаешься?“ Предъ его взглядомъ и его вопросами трепещешь и волнуешься... Совѣсть твоя говоритъ ему преступленія души твоей, и ты просишь за неисполненіе твоего служенія прощенія... Чудится, что Архіепископъ Владиміръ, слушая твою отвѣдь, покачиваетъ головой, говоритъ „ай-ай-ай“!. Когда ему исповѣдаешь свои грѣхи, онъ говоритъ: „иди и впредь не грѣши,—наши завѣты не забывай“. И отъ портрета Архіепископа идешь съ облегченной душою и съ рѣшимостію не повторять тѣхъ недочетовъ, которые до сихъ поръ допускалъ.

А вотъ портретъ нынѣ здравствующаго миссіонера—Архіепископа Макарія... Онъ на тебя смотритъ ласково, нѣжно. Его ласка трогаетъ сердце и душу. Ему говоришь свои скорби, печали, нужды... А онъ внимательно слушаетъ тебя и послѣ повѣствованія той или другой скорби говоритъ: „ну, Богъ съ нами, терпѣть, молиться надо, Онъ пособитъ все побороть.. Доброе дѣло безъ скорбей не дѣлается... нужда... подождать

надо... Вотъ Богъ дастъ, ктонибудь пожертвуетъ — пособимъ... совѣта спрашиваешь, какъ быть: дѣло серьезное, обдуманно, осторожно его надо дѣлать, не спѣшить... одно неосторожное слово все дѣло можетъ испортить... надо надѣяться на Бога, просить Его, Онъ пособитъ всѣ трудности и препятствія преодолѣть... не унывай, не падай духомъ... мало-ли чего не бываетъ въ жизни, а въ миссіонерской въ особенности“...

И отъ портрета Архіепископа Макарія идешь утѣшеннымъ. Чувствуешь, что онъ влилъ въ тебя духъ бодрости, терпѣнія къ дальнѣйшему служенію...

Портретовъ о. Ландышева и о. Вербицкаго отдѣльных нѣтъ. Ихъ посѣтитель найдетъ въ групповой карточкѣ.

Всматриваясь въ лицо о. Ландышева, чувствуешь, что онъ былъ добръ, внимателенъ и участливъ. Ему какъ-то невольно хочется высказать всѣ твои опасенія, которымъ миссіонеръ подвергается при переѣздахъ. Ему выскажешь, а онъ послѣ всего и говоритъ: „въ томъ-то и героизмъ и подвигъ миссіонера, чтобы преодолевать опасности... такова наша миссіонерская доля.. Это-то и дѣлаетъ миссіонерство привлекательнымъ, святымъ, чтобы, побораая препятствія, не бояться ихъ при дѣланіи Божьяго дѣла... Вѣрь въ Бога, — никогда не погибнешь... Если и бываютъ опасные случаи, то они Богомъ посылаются съ той цѣлью, чтобы чрезъ это славилось имя Божіе... миссіонеру стыдно жаловаться и трусить“... Отъ лица Ландышева отрываешься съ духомъ героизма и подвига, съ духомъ смѣлости и рѣшительности за вѣру Христа перебредать бурные горные потоки и цѣпляться по бомамъ безъ страха и сомнѣнія...

Вотъ оно лицо о. Василія Вербицкаго, серьезное, вдумчивое, философское. Глаза его глядятъ куда-то далеко въ высь. Казалось, бы, что его мозги и на карточкѣ не перестаютъ работать.. Онъ много и успѣшно работалъ въ миссіи и его хочется невольно спросить, чѣмъ обуславливалась продуктивность его работы... Его голосъ, задушевный, говорилъ сердцу: чтобы дѣло, какое-бы то ни было, успѣшно шло, нужно во-первыхъ любовь къ дѣлу пріобрѣсти, во-вторыхъ необходимо имѣть искреннее желаніе дѣлать, въ-третьихъ надо трудиться, какъ пчела, и въ-четвертыхъ

дѣлать не для камилавки или скуфей, а для славы Божіей... При этихъ только условіяхъ дѣло спорится больше всякихъ ожиданій... у трудолюбиваго человѣка на все времени хватаетъ — и для другихъ, и для себя.. Пчелы хозяина кормятъ и сами сыты бываютъ... трудолюбивыхъ пчелъ хозяинъ любитъ, трудолюбивыхъ людей начальство почитаетъ и Богъ любитъ“...

И отъ отца Василія отрываешься съ мыслями о любви къ дѣлу, о любви къ трудамъ. И чувствуется, что нѣтъ среди людей такого дѣла, которое бы нельзя было побороть трудомъ и любовью. И сознаешь, что на всякое дѣло, какое бы оно маленькое ни было, нужно усердіе, стараніе, трудъ, а главное — любовь. „Любовь все превозможетъ“ — слышится голосъ Божій.

На общей карточкѣ есть еще очень интересное лицо. Оно такое грустное, унылое. Это лицо настоящаго начальника Миссіи Епископа Иннокентія. Это грустное лицо смотрящему говоритъ: миссіонеру за многимъ гнаться не надо... нужно малымъ удовлетворяться... заботливости къ дѣлу больше, заботливости, это самое главное... безъ заботы дѣло будетъ забываться... вмѣсто серебряныхъ ложекъ щей можно и деревянными нахлебаться, вмѣсто шелку можно и парусину носить, вмѣсто фамильнаго чаю можно и кирпичнаго попить, а заботливость ничѣмъ не подмѣнишь... Когда на сердцѣ скребетъ, щемитъ, тогда и дѣло дѣлается“...

И отъ этого грустнаго лица съ собою уносишь серьезное отношеніе къ дѣлу, попеченіе о дѣлѣ.

А вотъ послѣднее лицо, которое тоже должно приковать вниманіе всякаго посетителя храма-памятника. Это строитель сего памятника, отецъ Петръ Бенедиктовъ. Лицо серьезное, вздумчивое. Сѣдины и морщины говорятъ, что этотъ человѣкъ пожилъ, пожилъ и много пережилъ. Жизнь этого человѣка не мало была ломала. Много эта личность перенесла всякихъ невзгодъ и печалей. Страданія, терзанія, мученія — вотъ его удѣлъ. Жизнь его закалила и сдѣлала многоопытнымъ. Это влекло и влечетъ душу къ нему за тѣми или другими совѣтами. Въ немъ чувствуется большой запасъ знаній и этими знаніями хотѣлось бы

попользоваться. Съ его сужденіями, взглядами, мыслями при рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ хочется считаться..

„Въ обрусѣвшемъ приходѣ миссіонеру дѣлать нечего? — неправда.. не повѣрю.. Дѣловой человѣкъ вездѣ и всегда горы дѣла найдетъ... и въ обрусѣвшемъ приходѣ миссіонеру не передѣлать всего дѣла.. Среди обрусѣвшихъ инородцевъ дѣловой человѣкъ сразу замѣтитъ, что крестившихся водою много, но немного крестившихся духомъ... вотъ на что надо обратить вниманіе миссіонеру въ обрусѣвшемъ приходѣ, и этого дѣла хватить на всю жизнь.. вотъ задача миссіонеру въ обрусѣвшемъ приходѣ: въ конецъ искоренять языческія привычки, прививать христіанство въ полной формѣ“...

Чувство стыдливости за близорукость въ миссіонерскомъ служеніи пронизываетъ послѣ душу человѣка. Идешь отъ карточки отца Петра и думаешь: какъ-же я самъ-то до этого не могъ дойти, додуматься?...

Вотъ какія мысли, чувства, думы навѣваетъ храмъ-памятникъ на посѣтителя-миссіонера.

Оттуда выходишь обновленнымъ, перерожденнымъ, удовлетвореннымъ, воодушевленнымъ высокими мыслями, благородными чувствами!

Павлинъ Алтайскій.